

78795

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ
О
С. С. КОРСАКОВЪ,

какъ университетскомъ и общественномъ дѣятелѣ.

Профессора Харьковскаго университета
Н. Ф. МЕЛЬНИКОВА-РАЗВЕДЕНКОВА.

Рѣчь на конференціи врачей Харьковской губернской
Земской больницы 10 Сент. 1910 г.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія и Литографія М. Зильбербергъ и С-вья.
Донецъ-Захаржевская ул., с. д. № 6.
1910.

ПРОРОБЛЕНО

197511

34

Изъ воспоминаній о С. С. Корсаковѣ, какъ университетскомъ и общественномъ дѣятелѣ.

Проф. Н. Ф. Мельникова-Разведенкова.

Прозектора Харьковской губернской земской больницы.

День кончины С. С. Корсакова, 1-го мая 1900 года, остается и до сихъ поръ днемъ тяжелой потери, которую понесла, въ лицѣ покойнаго, вся интеллигентная Москва и въ особенности ея прогрессивные элементы. Ближе стоявшіе къ покойному москвичи успѣшили выразить свои горестныя чувства въ многочисленныхъ рѣчахъ, статьяхъ и некрологахъ, въ которыхъ старались очертить свѣтлый образъ этого выдающагося ученаго и общественнаго дѣятеля, замѣчательнаго врача-гуманиста и психіатра. Въ память его устраивались публичныя засѣданія, учреждались стипендіи, фонды, благотворительныя общества, посвящались книги, былъ основанъ журналъ его имени, продолжающій выходить и въ настоящее время. Пораженные утратой дорогого человека, друзья и товарищи, въ своихъ воспоминаніяхъ называли его: гигантомъ, совершеннымъ самородкомъ, неземнымъ идеаломъ, праведникомъ; ставили его на рубежѣ моральной гениальности, на границѣ нравственнаго совершенства, на ряду съ Шарко, Пинелемъ; считали его мощной нравственной личностью, одареннымъ духовнымъ цѣломудріемъ; признавали глубокимъ, оригинальнымъ мыслителемъ, европейскимъ ученымъ, замѣчательнымъ профессоромъ, самоотверженнымъ, неутомимымъ, энергичнымъ, страстнымъ общественнымъ дѣятелемъ, поразительнымъ организаторомъ, кумиромъ больныхъ и товарищей, сравнивали его съ Газомъ, Вирховымъ. Называли его безсребренникомъ, феноменально безкорыстнымъ, непоколебимымъ гражданиномъ, безкорыстнымъ и серьезнымъ другомъ молодежи, съ душой, нѣжной какъ цвѣтокъ и твердой какъ сталь.

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА АДУ
Inv. № 28795

08

99291/15

58 66

84 89

Проверено
15 1939

Въ „Эпитафiи“ одного автора сказано даже слѣдующее: „его дивный обликъ трудно вылѣпить изъ такого матеріала, какъ мысль; даже мысль блѣдна, груба и недостаточно пластична, потому что умъ отказывается понять, какимъ чудомъ этотъ человѣкъ былъ сотворенъ изъ солнечнаго луча и стали. Достойное опредѣленіе такой души есть удѣлъ великаго судьи—времени“. Другой авторъ говоритъ, что „наше блѣдное человѣческое слово оказывается слабымъ и тусклымъ орудіемъ для изображенія всей широты совершенствъ С. С. Корсакова“.

Вполнѣ естественно было ожидать и рѣчей о томъ, что память о такомъ большомъ человѣкѣ и дѣятелѣ надо сохранить для послѣдующихъ поколѣній, что С. С. Корсаковъ, какъ психіатръ, имѣетъ право на безсмертіе, что слава его имени и память о его дѣятельности останутся навѣки неуязвимами. Въ концѣ одного изъ лучшихъ некрологовъ авторомъ его выражается желаніе, чтобы въ недалекомъ будущемъ явилась въ свѣтъ обстоятельная біографія С. С-ча, что, однако, до сихъ поръ не осуществилось, хотя, по заявленію одного изъ ораторовъ, о С. С-чѣ легко сказать даже цѣлую книгу.

Тотъ же ораторъ говорилъ, что „намъ надо сдѣлать все возможное, чтобы сохранить память о С. С-чѣ и желательно, чтобы всѣ знавшіе его сообщили воспоминанія о немъ, что дало бы возможность собрать интересныя и важныя данныя для его характеристики, которая не можетъ не быть поучительной“. Авторъ приведенныхъ строкъ давно сошелъ въ могилу и, къ сожалѣнію, его пожеланія за истекшія первыя 10 лѣтъ послѣ смерти С. С. оказались мало выполненными.

Надо замѣтить, что для современниковъ личность С. С-ча представлялась необыкновенной и обаяніе ея было поистинѣ изумительное. Хотя вліяніе С. С-ча какъ ученаго спеціалиста и общественнаго дѣятеля распространялось далеко за предѣлами Москвы, но именно на послѣдней оно сказалось болѣе всего.

Москва и С. С-ъ любили другъ друга и жили душа въ душу. Наиболѣе любимымъ уголкомъ обширной Москвы, мнѣ кажется, былъ привакзальный районъ въ окрестностяхъ Каланчевской площади, гдѣ въ тиши отъ городского шума, въ маленькихъ Красносельскихъ деревянныхъ домикахъ, отъ которыхъ вѣяло уютомъ и порядкомъ, складывался и

зрѣлъ въ немъ психіатръ, какъ ученый и практикъ. Въ этомъ же раіонѣ расположена Преображенская б-ца для душевнобольныхъ, въ которой также работалъ С. С-чъ, отсюда недалеко лежатъ Сокольники, гдѣ обыкновенно жилъ С. С-чъ лѣтомъ на дачѣ.

Особенно любилъ С. С-чъ свою „матушку—кормилицу“, Московскій университетъ и его юныхъ питомцевъ, среди которыхъ онъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ и глубокимъ уваженіемъ. Эта сторона интимной жизни С. С-ча остается еще мало затронутой въ печати, несмотря на то, что сохранился обширный рукописный матеріалъ въ видѣ писемъ С. С-ча къ близко стоявшимъ къ нему лицамъ.

С. С-чъ былъ профессоромъ въ 90-хъ годахъ, когда примѣнялся Деляновскій уставъ 84 г., когда въ Московскомъ университетѣ процвѣтали т. н. „студенческіе безпорядки“ и положеніе профессоровъ было трудное. О дѣятельности С. С-ча какъ члена факультета и совѣта пока извѣстно очень мало и было бы весьма желательно пополнить этотъ пробѣлъ. Извѣстно только, что онъ, несмотря на свои безчисленные занятія, успѣвалъ какимъ-то чудомъ посѣщать аккуратно всѣ университетскія засѣданія, въ которыхъ умѣлъ „быстро схватывать суть дѣла“, причемъ „заключенія его были всегда умны, обдуманны, всегда отвѣчали требованіямъ справедливости и гуманности; компромиссовъ онъ не терпѣлъ и, когда требовалось высказать свое мнѣніе, никогда чернаго не называлъ бѣлымъ“.

Гораздо болѣе можно сказать объ отношеніяхъ С. С-ча къ студентамъ, съ которыми у него была трогательная дружба не только въ стѣнахъ университета, но, кажется, еще болѣе за этими стѣнами. Въ Татьянинъ день, какъ истый москвичъ, С. С-чъ принималъ участіе въ традиціонномъ обѣдѣ Доброхотовскаго кружка, куда попадали только принципиальные сторонники „Русскихъ Вѣдомостей“.

Къ 12 января 1897 года, который является наиболѣе интенсивнымъ въ дѣятельности С. С-ча, онъ приготовилъ обращеніе къ студентамъ въ видѣ слѣдующаго тоста.

„Прежде всего я желаю“, говорилъ онъ, „чтобы у всѣхъ студентовъ было вполне опредѣленное сознаніе безусловной необходимости просвѣщенія, чтобы не на словахъ только, а въ дѣйствительности была глубокая любовь къ наукѣ и знанію и отвращеніе къ невѣжеству. Я желаю, продолжали

С. С-чѣ, чтобы у нихъ были и могучая энергія въ приобрѣтеніи знаній и чувство долга по отношенію къ народу, который даетъ имъ возможность ихъ получать. Они должны сознавать, что счастье, которое выпало на ихъ долю, налагаетъ на нихъ и большія обязанности. Они должны понимать, что попавъ въ университетъ въ числѣ очень и очень немногихъ изъ своихъ русскихъ сверстниковъ, они являются какъ бы посланцами отъ народа, уполномоченными для полученія свѣта науки и обязанными не потратить времени понапрасну и приобрѣсти побольше знаній, чтобы не выйти изъ университета недоучками и шарлатанами. Они должны помнить, что просвѣщеніе налагаетъ на нихъ обязанность быть дѣйствительными свѣточами, а не блуждающими огнями. Они должны помнить, что за несравнимое благо быть просвѣщенными, они могутъ отплатить только цѣной своей жизни, посвященной благу родины и идеаламъ человѣчества“.

Приведенный тостъ С. С-ча показываетъ, какимъ „безкорыстнымъ и серьезнымъ другомъ молодежи“ онъ былъ. О матеріальной поддержкѣ ея онъ ревностно и неутомимо заботился, развивая дѣятельность Общества для пособія нуждающимся студентамъ. Принципіальный взглядъ на помощь студентамъ имъ высказанъ въ привѣтствіи Обществу по случаю 25-лѣтія дѣятельности послѣдняго.

„Къ сожалѣнію“, писалъ онъ, „почти параллельно съ развитіемъ дѣятельности Общества растетъ и нужда студентовъ. Не могу не выразить пожеланія, чтобы силы Общества не ослабѣли и въ концѣ концовъ наше общество побѣдило бы окончательно студенческую нужду, и людямъ, ищущимъ высшаго образованія, дана была бы возможность посвящать время пребыванія ихъ въ университетъ ихъ главному дѣлу—ученію, а не борьбѣ изъ-за куска хлѣба и жилища и заботѣ о томъ, чтобы достать денегъ для внесенія за право ученія. Въ день, когда подводятся итоги четвертьвѣковой дѣятельности Общества, нельзя не подумать и о возраженіи, дѣлаемомъ нѣкоторыми лицами, что благотворительная помощь скорѣе вредна, чѣмъ полезна студентамъ. Но это возраженіе похоже на то, которое дѣлають врачу, говоря, что онъ укрѣпляющими средствами и устраненіемъ тяжелыхъ условій окружающей среды вредитъ больному, ослабляя его энергію. Голоданіе молодежи, теряющей много силъ для достиженія университета, необходимость бороться съ нуждой вмѣсто того, чтобы учиться, есть яв-

леніе ненормальное, своего рода общественная болѣзнь, а пока есть болѣзнь, необходимъ и врачъ“.

Дѣйствительно, С. С-чъ „положилъ много труда и заботъ на борьбу съ бѣдностью и беззащитностью учащейся молодежи“. Но, несмотря на изумительную энергію С. С-ча, средства Общества при многолюдности Московскаго университета оказывались, конечно, ниже нужды, а въ то же время задолженность Обществу бывшихъ университетскихъ питомцевъ оставалась, какъ водится у насъ, колоссальной. Напоминанія о долгахъ тѣмъ, кто достигъ матеріальнаго обезпеченія, оставались нерѣдко безъ отвѣта. Въ одномъ случаѣ на какомъ-то торжествѣ С. С-чъ былъ настолько возмущенъ, что даже вышелъ изъ свойственнаго ему душевнаго равновѣсія, когда увидѣлъ упрямаго должника Обществу съ массивной золотой цѣпью на жилетѣ. Такъ близко къ сердцу принималъ онъ вопіющую студенческую нужду, которая, къ сожалѣнію, и въ настоящее время остается въ прежнихъ размѣрахъ, если не больше.

Объ отношеніяхъ студентовъ къ С. С-чу краснорѣчиво свидѣтельствуетъ эпизодъ, такъ передаваемый однимъ студентомъ въ его воспоминаніяхъ о покойномъ.

Когда въ 1899 г. студенты рѣшили не слушать лекцій и просили профессоровъ не читать, С. С-чъ въ отвѣтъ на такую просьбу сталъ уговаривать студентовъ успокоиться, не поддаваться аффекту и вошелъ въ аудиторію, рѣшивъ употребить всю силу своего вліянія для того, чтобы остановить студентовъ. „Ради идеаловъ науки, ради тѣхъ великихъ принциповъ истины и добра, которымъ вы призваны служить, ради всего того, что дорого вамъ въ стѣнахъ университета, умоляю васъ остаться въ аудиторіи,—лекція будетъ сегодня, говорилъ С. С-чъ. Онъ чувствовалъ, какъ глубоко захватила насъ сила товарищескаго единенія, какова мощь этого фактора и его увлекательность для молодыхъ умовъ и тѣмъ горестнѣе было сознавать ему, что неизбежно столкновение начавшагося волненія съ установленными нормами жизни и правовыми отношеніями, что много студентовъ погибнетъ въ неравной борьбѣ, что много горя сердца человѣческимъ доставитъ эта борьба и большой ущербъ понесетъ наука, которой служилъ и поклонялся С. С-чъ. И каждый изъ насъ понялъ и оцѣнилъ въ эту минуту С. С-ча. Въ душѣ каждого изъ насъ происходила глубокая драма. Понимали мы всю важность принциповъ науки и

общественнаго служенія, сознавали и чувствовали, что если кто долженъ считаться съ этими принципами, то по преимуществу мы, какъ люди, стоявшіе на рубежѣ школы и жизни, а главное всѣ мы чувствовали, какъ глубоко любить насъ С. С-чъ, какъ страдаетъ за насъ, чувствовали, что и мы всей душой привязаны къ нему и намъ страшно тяжело было бы огорчить его, тѣмъ болѣе, что всѣ мы знали о болѣзненномъ его состояніи,—только что передъ тѣмъ С. С-чъ возобновилъ чтеніе лекцій послѣ довольно продолжительнаго перерыва. Когда мы все-таки вышли изъ аудиторіи, но вышли со стѣсненнымъ сердцемъ, со слезами на глазахъ, проходя мимо С. С-ча, всѣ обратились къ нему со словами: „простите насъ, не можемъ остаться, какъ ни тяжело намъ, не можемъ ради тѣхъ самыхъ идеаловъ и принциповъ, служить которымъ Вы насъ призываете“. А онъ такъ участливо, любовно смотрѣлъ на насъ и изъ устъ его слышались уже не увѣщанія, а только слова нѣжной любви и состраданья къ намъ. Неизгладимое впечатлѣніе въ сердцахъ нашихъ оставила эта трогательная минута, личность С. С-ча стала для насъ безконечно дорогой, мы еще глубже прониклись чувствомъ безграничной любви, преданности и уваженія къ нему“. Такъ описывается драматическій эпизодъ студенческихъ волненій съ участіемъ въ немъ С. С-ча.

Перейдемъ теперь къ общественной дѣятельности С. С. Корсакова, которая даже и теперь черезъ 10 лѣтъ послѣ его смерти вызываетъ глубокое удивленіе. С. С-чъ былъ одаренъ отъ природы общественной жилкой и отличался недюжиннымъ организаторскимъ талантомъ. Этому благоприятствовала общительность его характера. Въ одномъ изъ своихъ писемъ С. С-чъ называетъ себя оптимистомъ и говоритъ, что онъ болѣе любитъ замѣчать гармонію, чѣмъ дисгармонію. По его мнѣнію, одно изъ условій, вызывающихъ радость, есть состояніе творчества, то ощущеніе, которое бываетъ, когда въ головѣ образуется новая комбинація идей, освѣщающая какой-нибудь темный уголокъ явленій, среди которыхъ живешь, ощущеніе истинности входящаго въ душу свѣта и его плодотворность. Такое же ощущеніе бываетъ и при занятіи плодотворнымъ дѣломъ. Другое состояніе, продолжаетъ въ письмѣ С. С-чъ, вызывающее глубокую радость,—есть чувство объединенія. Вѣдь, чувство объединенія лежитъ въ основѣ лучшихъ человѣческихъ удовольствій: вѣдь, соединеніе множества въ единое гармоничное цѣлое

составляет основаніе даже физической музыки, которая такъ много даетъ пріятныхъ ощущеній человѣчеству. Каково же должно быть ощущеніе, если эта гармонія не между флейтами и скрипками, а между человѣческими душами.

Только, замѣчаетъ С. С-чъ, какъ трудно чувствовать эту гармонію, какъ трудно настроить эти инструменты, часто испорченные при самой первой пробѣ—при воспитаніи, и какъ дорогъ и близокъ дѣлается тотъ человѣкъ, съ которымъ эта гармонія есть, и гармонія естественная, не искусственно вызванная, какъ хорошо бываетъ съ этимъ человѣкомъ, какъ близость его во всемъ дѣлаемомъ облегчаетъ всякую горечь“.

Обладая счастливымъ характеромъ, золотымъ сердцемъ, желѣзной волей, мощнымъ умомъ, во всеоружіи знанія, С. С-чъ приступилъ къ организаціи Общества невропатологовъ и психіатровъ, которое было открыто въ 1890 г. замѣчательнымъ докладомъ С. С-ча о составѣ Общества, его организаціи и цѣли. Здѣсь онъ касается интересныхъ принципіальныхъ сторонъ научныхъ кружковъ. „Я лично“, говорилъ онъ, „глубоко убѣжденъ, что при соединеніи людей въ кружки является не только сумма способностей отдѣльныхъ членовъ этого кружка, но, вслѣдствіе взаимодѣйствія, происходитъ творческій актъ, является нѣчто новое, развивается то, что называется общественнымъ сознаніемъ, и эта новая форма сознанія является могучимъ и неотразимымъ факторомъ въ дѣятельности отдѣльныхъ членовъ общества. Если это общественное сознаніе велико, то, какъ показываетъ опытъ, плодотворность дѣятельности Общества, его продуктивность чрезвычайно увеличивается. Поэтому—развитію этого общественного сознанія нужно всѣми силами способствовать, а способствуетъ ему преданность членовъ кружка общимъ задачамъ, тѣсная сплоченность ихъ въ интересахъ поставленной цѣли, ихъ свободный обмѣнъ мыслей, не стѣсняемый никакими побочными вліяніями“. „Съ точки зрѣнія этики и разсудка, продолжалъ С. С-чъ, гораздо выше конкуренціи—кооперація, т. е. совмѣстная дружная работа для достиженія поставленной цѣли. Если мы всѣ стремимся къ одной цѣли—расширить знаніе, то, конечно, важно не то, кто первый снялъ завѣсу съ сокрытой истины, а что истина сдѣлалась открытой для всѣхъ. Мы должны поэтому помогать другъ другу въ достиженіи знанія, не заботясь о томъ, кому первому придется его достигнуть. Важны

вѣдь не лавры, которые покрываютъ перваго, достигшаго цѣли, а самая цѣль. Это основной принципъ кооперативной дѣятельности—принципъ братскаго взаимодѣйствія“.

И, дѣйствительно, слѣдую такому основному принципу, при жизни С. С-ча, Общество невропатологовъ въ Москвѣ, достигло цвѣтущаго состоянія.

Черезъ 5 лѣтъ послѣ основанія общества въ 1895 г. С. С-чъ создаетъ при своей клиникѣ особыя подготовительныя конференціи съ цѣлью приучить молодыхъ врачей къ выраженію своихъ мыслей или къ литературнымъ занятіямъ.

Наряду съ этимъ имъ были заведены реферативныя „пятницы“ въ психіатрической клиникѣ. Въ слѣдующемъ 1896 г. С. С-чъ принимаетъ самое живое и дѣятельное участіе въ организаціи научныхъ конференцій всѣхъ клиникъ и институтовъ на Дѣвичьемъ полѣ, причемъ починъ заведеній начался съ нервной и психіатрической клиникъ.

Научная общительность толкала неугомоннаго С. С-ча искать сближенія съ иногородними русскими и далѣе съ иностранными врачами. Онъ не пропускалъ ни одного Пироговскаго съѣзда, былъ членомъ, а потомъ председателемъ Правленія Пироговскаго Общества въ Москвѣ и первымъ редакторомъ Пироговскаго журнала.

Въ 1887 г. онъ выступилъ на 1-мъ съѣздѣ отечественныхъ психіатровъ съ двумя замѣчательными докладами о системѣ нестѣсненія при лѣченіи душевнобольныхъ и о системѣ семейнаго призрѣнія, послѣ чего укрѣпилась его репутація опытнаго, талантливаго и высокогуманнаго психіатра.

Онъ участвовалъ также и въ международныхъ конгрессахъ психіатровъ и психологовъ, на одномъ изъ которыхъ въ Лейпцигѣ горячо заступался за интересы отечественной науки и сумѣлъ отстоять ея права.

Но вънцомъ его общественной дѣятельности былъ XII международный медицинскій конгрессъ въ Москвѣ 1897 г., который является первымъ въ Россіи.

На этомъ конгрессѣ онъ проявилъ феноменальную работоспособность и обнаружилъ крупный организаторскій талантъ. Добровольно, ради только торжества русской научной медицины, онъ поднялъ и вынесъ на своихъ могучихъ плечахъ колоссальную тяжесть устройства конгресса. Только благодаря С. С-чу москвичи выдержали съ честью этотъ первый культурный экзаменъ. Но мы дорого запла-

тили за такой успѣхъ. При такой безпримѣрной физической и душевной дѣятельности надорванное сердце С. С-ча не выдержало, силы его стали падать и въ роковое для Москвы утро 1-го мая 1900 г. С. С-ча не стало.

Послѣ смерти С. С-ча выяснилась величина потери и нравственное значеніе для Москвы С. С-ча. Только общественной протраціей, наступившей послѣ урагана освободительнаго движенія въ Москвѣ, можно объяснить, что истекшее послѣ смерти С. С-ча первое десятилѣтіе прошло мало замѣтнымъ въ Москвѣ, гдѣ 10 лѣтъ тому назадъ москвичи такъ искренно и горячо оплакивали кончину дорогаго имъ С. С-ча и давали обѣщаніе не забывать своего духовнаго вождя.

Но если знаменательный день перваго десятилѣтія, къ сожалѣнію, не былъ отмѣченъ въ Москвѣ живымъ и печатнымъ словомъ, то, тѣмъ не менѣе, вліяніе завѣтовъ С.-С-ча продолжается и далеко за предѣлами его родной Москвы.

Такъ, оно сказалось и въ отдаленной отъ нея Слободской Украинѣ, гдѣ колонія земскихъ психіатровъ устраиваетъ сегодня литературные поминки „*батьку*“ (отцу) Московской психіатріи.

Списокъ печатныхъ и рукописныхъ матеріаловъ для біографіи *С. С. Корсакова*.

1. Проф. В. К. Ротъ. *С. С. Корсаковъ*. Біографическій очеркъ. Москва. 1901. Напечатанъ въ Отчетѣ Московскаго университета за 1900 г. 51 стр. Съ портретомъ и спискомъ печатныхъ работъ *С. С. Корсакова*, обнимающемъ 31 номеръ.

2. Сербскій В. П. Рѣчь въ экстренномъ засѣданіи Общества невропатол. и психіатровъ при Моск. унив. 5 мая 1900 г. Напечатана въ «Медиц. Обозр.». Томъ 53, № 6, 1900 г. Стр. 951—954.

3. Баженовъ Н. Н. Рѣчь, произнесенная и напечатанная тамъ же. Стр. 954—957.

4. Лопатинъ Л. Памяти *С. С. Корсакова*. Рѣчь въ экстр. засѣд. Моск. Психол. Общ. 6 мая 1900 г. Вопросы философіи и психологіи. Москва. Книга III (53). Май-іюнь 1900. Стр. I—VIII.

5. Ротъ В. К. Рѣчь на могилѣ *С. С. Корсакова* 4 мая 1900 г. Тамъ же. Стр. VIII—X.

6. Токаревскій А. А. 3 рѣчи: 1) въ Общ. пособ. недост. студ. Моск. унив. 4 мая 1900 г. 2) въ Общ. невропат. 5 мая, 3) въ Психологич. Общ. 6 мая 1900 г. Тамъ же. Стр. X—XIX.

7. Лопатинъ Л. Личность и міросозерцаніе *С. С. Корсакова*. Рѣчь на соедин. засѣд. Обществъ психологич. и невропатологовъ 1 окт. 1901 г. 11 стр. Вопросы философіи. 1902 г.

8. Сербскій В. П. Къ характеристикѣ научнаго значенія *С. С. Корсакова*. Тамъ же. Стр. XIII—XXXVIII.

9. Постовскій Н. П. *С. С. Корсаковъ* какъ клиницистъ-преподаватель. Тамъ же, 16 стр.

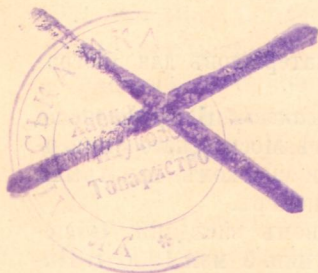
10. Корниловъ А. А. Невропатологическія работы *С. С. Корсакова*. Рѣчь. Тамъ же.

11. Баженовъ. Н. Н. Внѣуниверситетская дѣятельность и значеніе *С. С. Корсакова*, какъ врача и учителя. Рѣчь. Тамъ же.

12. Ротъ В. К. Рѣчь. Тамъ же.

13. Россолимо Г. И. Эпитафія. Рѣчь на засѣд. Моск. Общ. невропатол. 10 октября 1901 г.

14. Незданныя письма *С. С. Корсакова*, которыя собраны и хранятся у М. Ѳ. Беккеръ. Эти письма представляютъ большой общественный интересъ.

Отд. оттиски изъ «Современной Психіатріи» 1911 г.

Харьковъ. Типографія и Литографія М. Зильбербергъ и С-вья.
Донецъ-Захаржевская ул., с. д. № 6.